

ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ: К ТОПОЛОГИИ «ДРУГИХ ПРОСТРАНСТВ»

Вопрос о взаимообусловленности знания и власти (и социальной иерархии в целом), несмотря на всю однозначность сформулированного Бэконом тождества «knowledge is power», не переставал беспокоить научное сообщество, – особенно когда рационализм, торжество которого возвестило упомянутое тождество, подвергся испытаниям конца XIX – XX вв. Парадоксальным образом к концу XX – началу XXI вв. пара «власть – знание» – и концепт «воля к знанию» – оказались своего рода контрапунктом, объединившим ницшеанское противопоставление воли (к власти) и знания¹ и их единство, по М. Фуко. Парадоксальным же образом и тема, и название вводной редакционной статьи к новому номеру журнала «Пространство и Время», неожиданно (для самого автора) оказавшиеся аллюзией сразу на две известные работы французского философа² вместо подразумевавшейся одной, явились следствием поиска – и нахождения – той «генеральной идеи», в рамках которой может быть осознано «генеральное направление», отчетливо прослеживающееся в контенте нового выпуска журнала.

В самом деле, если «как бы ни формулировался... вопрос – что есть общество, либо каков способ его бытия?» – в любом случае главной проблемой здесь является определение того, что представляет собой, каким образом устанавливается *societas* [общность], то есть чем являются, чем устанавливаются связи между людьми, конституирующие человеческий коллектив [разрядка моя – О.Т.]? Связь оказывается основной проблемой при исследовании общества, поскольку одной из основных категорий, через которую раскрывается сущность общества, выступает целостность³, – такими связями, несомненно, могут быть «совокупность объективных отношений сил», формирующих различные капиталы⁴ (по П. Бурдьё) или совокупностью социальных действий, взаимодействий и отношений, формирующих различные потенциалы (по А.Б. Докторовичу). Однако начиная с эпохи неолитической революции в основании как первого, так и второго – вне зависимости от типа культуры⁵ (поскольку ни одна культура не является таковой в отсутствии иерархической системы, а значит, отношений доминирования – подчинения) – оказывается заложенным *знание*. Именно оно, даже (еще) не приобретающее рациональный характер, все же оказывается именно *знанием* – о «силе», ее носителях и ее природе, «божественной», метафизической, социальной, но равно легитимирующей социальную, точнее, социальную⁶, (по Т. Парсонсу) позицию, а также характер действий, взаимодействий и отношений ее обладателя с миром, прежде всего, в тех случаях, когда речь идет об отношениях господства / доминирования / управления («Феномен сакральности власти в истории правовой мысли» А.И. Калиниченко, «Религиозно-магическая природа правовой идеологии в контексте ее функциональных характеристик» кандидата юридических наук А.И. Клименко, «Время в пространстве культуры: вечность и ее локализации. Часть 1» кандидата архитектуры Д.М. Спектора, «Связь формирования представлений о пространстве и времени с генезисом собственности и власти (на опыте изучения африканских социумов)» доктора философских наук И.Л. Андреева). Да и сами социальные позиции, равно как и первые «другие пространства», возникли в эпоху неолитической революции с разделением труда, необходимостью управлять им и возникновением первого в истории человечества пространственного распределения знания.

Понимание знания-власти в духе Бэкона – Фуко позволяет переформулировать причинно-следственную связь, предложенную Э. Гидденсом («Для того, чтобы “поступать вопреки” (быть деятелем, обладающим рефлексивным знанием, достаточным для того, чтобы суметь изменить свое положение в мире...), необходимо обладать способностью вмешиваться (или не вмешиваться) в происходящие события, оказывать влияние на те или иные процессы или обстоятельства [разрядка моя – О.Т.]»⁷ «от обратного»: для того, чтобы обладать способностью вмешиваться (или не вмешиваться) в происходящие события, оказывать влияние на те или иные процессы или обстоятельства, необходимо быть деятелем, обладающим рефлексивным знанием, достаточным для того, чтобы суметь изменить свое положение в мире.

Именно такое знание способствует формированию тех смыслов, которые с самого начала своего складывания могут быть «только у многих и между многими»⁸. Именно такое знание оказывается особым ресурсом власти и, в конечном итоге, обретает силу, не только необходимую, но и достаточную для изменения социальной позиции и/или дистанции, т.е. силу собственно власти – и культуры как специфической формы господства / доминирования («Смыслы и образы как компо-

¹ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 329.

² Фуко М. Пространство, знание и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М.: Праксис, 2006. С. 215–236; Он же. Другие пространства // Там же. С. 191–205.

³ Гоноцкая Н. Связи: Философское исследование взаимопонимания. М.: ЛКИ, 2010. С. 102.

⁴ См.: Бурдьё П. Социология социального пространства. М. – СПб.: Ин-т экспериментальной социологии, Алетея, 2005. С. 15.

⁵ Согласно классификации О. Шпенглера, знание является фундаментальной основой европейского – «фаустовского» – типа культуры (см.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М., Мысль, 1993). Мы, однако полагаем, что знание как основа социальных отношений характерно для всех типов культур, начиная с неолита с характерными для него формированием централизованной протогосударственных структур, идеологии и новых систем знания, обеспечивающих его передачу не только устно, но и письменно (см.: Childe V.G. *Man Makes Himself*. New York: New American Library, 1958; Hall W.P. *Tools Extending Human and Organizational Cognition: Revolutionary Tools and Cognitive Revolutions*. "Sixth International Conference on Knowledge, Culture and Change in Organisations, Prato, Italy. 2006, pp. 11–14).

⁶ Здесь: обеспечивающую единство общества. Имеется в виду парсоновское «социальное сообщество», в котором наивысшая позиция в «иерархии лояльностей» принадлежит культурной легитимации нормативного порядка – ядро (большого) сообщества, интегрированное на основе социально одобряемых и поддерживаемых ценностей и норм (см.: Kroeber A.L., Parsons T. "The Concepts of Culture and of Social System." *American Sociological Review* 23.5 (1958): 582–583; Parsons T. *American Society: A Theory of the Societal Community*. London: Paradigm Publishers, 2007).

⁷ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. С. 55–56.

⁸ Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес Он-Лайн, 2001 [Электронный ресурс] // Библиотека учебной и научной литературы. Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/bogin_obretenie/02.aspx.

менты «мягкой силы» Запада, Востока и России» доктора политических наук Е.А. Ходаковского, «Теоретическая и практическая адаптация концепта “мягкой силы” восточноазиатскими государствами» Д.М. Ковба).

При ближайшем рассмотрении оказывается, что развитие и накопление такого знания имеет собственную динамику («Доархеологическая» геохронология и “золотое сечение” доктора технических наук С.Н. Гринченко и доктора исторических наук Ю.Л. Шаповой; «Динамика культурного пространства» доктора философских наук М.Я. Сарафа) и (пространственные) пределы такого накопления и использования — в зависимости от количества и качества носителей такого знания. Так, представляется весьма характерным отнесение начала эпохи модерна к середине XV в.¹ — к периоду массового распространения книгопечатания². В свою очередь, источники знания как легитимирующей власть силы (и места пространственных / территориальных «проекций» этого источника) существенно разнятся для эпох премодерна, модерна³ и постмодерна. Разнятся также формы проявления и «воли к знанию», обусловленных таковым знанием (и волей к нему) социальных взаимодействий и отношений господства / доминирования, — усложняясь с усложнением «принципа индивидуализирующего распределения» (М. Фуко), а, значит, и с выделением все новых и новых типов «других» культурных, дисциплинарных и прочих функционально-специализированных пространств между центром и (его) периферией (во внутриполитическом пространстве) и между двумя центрами (в пространстве внешнеполитическом) и необходимым формированием все более сложной (и требующей все большего знания) системы управления этими пространствами.

Так, единственный «божественный» источник знания-власти в обществе премодерна с его локализацией в храме и дворце (как разновидности храма) означал всего два статуса легитимного господства и двух «первых лиц» — соответственно, во дворце и в храме⁴, вокруг отношений между которыми выстраивалась коллизия борьбы за власть и формировалось единство «социетального сообщества» («Византийская цивилизация и христианская правовая традиция в современном политико-правовом контексте (к 1700-летию Миланского эдикта). Часть 2. Деяния Константина Великого, принятие Миланской конституции и основы христианского правового дискурса» кандидата юридических наук В.И. Павлова, «Государство Российское и аскетический подвиг преп. Сергия Радонежского в Православной Церкви» кандидата философских наук, кандидата богословия Н.Н. Павлюченкова, «Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XVII — начала XVIII вв.» доктора психологических наук А.В. Сухарева). Для самого же властного центра обладание («божественным») знанием оказывалось безальтернативным — поскольку как раз и означало легитимацию «свыше», — а «воля к знанию» предполагала полноту проникновения в божественный замысел («Аникиеева Е.Н. Проблемы индийского теизма: философско-компаративный анализ...» доктора исторических наук В.П. Андросова) и строгое соответствие каноническим формам такой легитимации, так что связи с «другим», не властным, в данном случае профанным пространством такой тип знания-власти формировал по типу (причинно-следственной) пары «знаю и действую» / «знаю и не действую». И если профанное пространство оказывалось не периферией, а окрестностью власти⁵, т.е. местом ее убывания, то и для самой власти, и для «другого пространства» это означало прежде всего и именно отсутствие «божественной санкции» на господство там.

Последовательная секуляризация эпохи модерна, символом которой явилось не ницшеанское, а гегелевское «Бог мертв»⁶ («Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Гегельянство: скачок в пантеистический детерминизм, имперсонализм и аморализм» докторов философских наук С.Н. Нижникова и А.А. Лагунова) и социетарная⁷ легитимация власти, происходили в условиях — и как следствие — активного приращения знания. Именно в эпоху модерна стало возможным появление «воли к знанию» в том виде, о котором будут писать в период «позднего модерна» сначала Ницше, а затем Фуко, — но именно тогда же количество накопленных обществом знаний, в том числе и необходимых для управления любыми сложными объектами, включая социальные, оказалось существенно превышающим биологические возможности сохранения этих знаний мозгом одного человека. Так возникла принципиально новая для власти ситуация — формирование, в том числе и в интересах самого политического центра, новых и потенциально альтернативных пространств знания-власти. Представляется, что именно это привело к смещению источника легитимирующего власть знания в социетарную сферу и породило (в эпоху раннего модерна) новый тип субъекта власти (упомянутая статья А.В. Сухарева). Больше того, используя метафору А. Лефевра, можно сказать, что именно общество модерна стало подлинной машиной по производству «других пространств», в том числе и геополитических. Отношения с такими «другими пространствами» у (гео)политических центров складывались уже не только в рамках прежней (причинно-следственной) пары («знаю и действую» / «знаю и не действую»), но также как модус «не знаю и действую» / «не знаю и не действую», что превращало политическую периферию в «предел знания» об этнополитическом / социально-экономическом / социокультурном и проч. «других пространствах» («“Полная энциклопедия нужных и полезных сведений о крае”: Новороссийский календарь» доктора исторических наук А.А. Непомнящего, «Влияние этнополитических процессов в пограничном пространстве на государственную безопасность стран Каспийского региона» кандидата политических наук Л.Б. Кристаллинского, «Транснациональная организованная преступность

¹ См., напр.: Toulmin S. *Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 1992; Osborne P. "Modernity Is a Qualitative, not a Chronological, Category." *New Left Review* 192.1 (1992): 65–84.

² См.: Hind A.M. *An Introduction to a History of Woodcut*. New York: Dover Press, 1963, vol. 1.

³ Временные рамки модерна нами принимаются по упомянутым работам С. Тулмина и П. Осборна: середина XV в. — 1789 — ранний модерн, 1789–1900 — классический модерн, 1900–1989 — поздний модерн.

⁴ Сказанное, вероятно, справедливо и для Рима эпохи поздней Империи, — с поправкой, когда вместо «дворца» следовало бы читать «военный лагерь».

⁵ Мы определяем «(гео) политическую окрестность [доминирования] как такую совокупность названных полей и позиций, в пределах которых — в том числе и территориальных — интенсивность социальных действий и взаимодействий, обеспечивающих отношения доминирования конкретного актора, сколь угодно мала (но все же не становится нулевой). Эта сколь угодно малая (и, возможно, убывающая) интенсивность социальных действий и взаимодействий и составляет существенное отличие (гео)политической окрестности и от периферии (в том числе и пограничной) — совокупности социальных полей, взаимодействий которых маркирует легитимизированный территориальный предел (границу) возможности того или иного актора устанавливать над территориями и элементами их организации прямую / непосредственную власть (осуществлять управление территориями), и от лимитрофа. Последний, будучи с точки зрения отношений доминирования конкурирующим центром своего рода «областью пересечения геополитических множеств», в зависимости от мощи акторов, стремящихся к установлению контроля над ним, в результате геополитической конкуренции может превращаться то в периферию, то в окрестность» (Тынянова О.Н. Власть и ее окрестности // *Пространство и Время*. 2014. № 3(17). С. 12).

⁶ «Молодой Гегель в конце своего трактата "Вера и знание" (1802) пишет о "чувстве, на которое опирается вся религия нового времени, о чувстве: Сам Бог мертв"» (Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // *Работы и размышления разных лет*. М.: Гнозис, 1993. С. 172).

⁷ Здесь: основанная на объединении людей.

как угроза безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств: некоторые проблемы теории и практики» кандидатов юридических наук И.В. Щерблякиной и В.В. Звягинцева, «Крымские диалоги» кандидатов философских наук А.Д. Королёва и О.К. Шевченко), а, значит, и в предел консолидации этих пространств под властью (гео)политического центра – поскольку за их когнитивными пределами начинался лимитроф, грозящий при малейшем недостатке знания о нем превратиться в (гео)политическую окрестность.

В этих условиях для власти эпохи модерна оказалось насущно необходимым решать задачу двоякого рода: 1) обладать все большим знанием (прежде всего о ресурсах), а, главное, большими возможностями распоряжаться таковым знанием, а, значит, становиться одновременно и более целостным, и более сложноорганизованным пространством по сравнению с другими – подконтрольными – функциональными пространствами; 2) не допускать появления сколько-нибудь неподконтрольных «пространств знания» (что хорошо объясняет периодические предпринимаемые на протяжении истории общества модерна «дисциплинарные» меры в отношении различных носителей знания). Решение этой дилеммы едва ли не для всех государств модерна оказалось одинаковым. Потребность во все большем знании привело ко все большему его потреблению властью, прежде всего тех его видов, которые открывают доступ к ресурсам различного рода, в том числе и к собственным знаниям – и в этом смысле мы, по счастью, живем и еще какое-то время будем жить именно в эпоху модерна, – что явилось мощным стимулирующим фактором развития когнитивной сферы и привело к прогрессу как отдельных отраслей науки, так и, особенно в период позднего модерна, междисциплинарных подходов («Системный подход и его значение для глобальных исследований» доктора философских наук А.Н. Чумакова, упомянутая статья А.А. Непомнящего, «Открытие стоячих экситонов большого радиуса и классификация мерцающих кристаллов. Часть 2. Применение кумулятивной квантовой механики для описания свойств кристаллических сверхрешёток из стоячих экситонов» доктора физических наук Ф.И. Выскайло, «Потоки углеводородов, нефтоседиментогенез и проблемы черных сланцев. Часть 1. Аварийные разливы нефти: экологические следствия» доктора геолого-минералогических наук Г.А. Белинцовой, «Мертвое море: время отдавать долги» доктора технических наук М.М. Танклевского, «Гендерные различия в реакциях на воздействие земной и космической погоды на гемодинамику больных пожилых и старческого возраста с гипертонической болезнью III стадии, 3 степени на фоне терапии ингибиторами ангиотензинпревращающего фермента и блокаторами рецепторов ангиотензина II» доктора медицинских наук Р.М. Заславской, доктора физико-математических наук Т.К. Бреус, кандидата физико-математических наук В.А. Ожередова, кандидата биологических наук М.М. Тейблома и Л.В. Кривчиковой, «Хрономеханика – неизвестные аспекты развития острых психосоматических состояний по данным медицинской и криминальной статистики» Ю.К. Костоглодова, «Эволюционная этиология сахарного диабета. Размышление над книгой «Сахарный диабет: диагностика, лечение, профилактика» (под ред. академика И.И. Дедова и чл.-корр. РАН, профессора М.В. Шестаковой...)» доктора философских наук И.Л. Андреева и кандидата медицинских наук Л.Н. Назаровой). При этом, однако, закономерно формировались и «другие пространства знания», в том числе и в лимитрофных зонах («Феномен Юридического факультета в городе Харбине в правовом пространстве русского зарубежья» кандидата педагогических наук В.П. Пономарёвой). Решать проблему недопущения / ликвидации / контроля такого рода пространств могло только «дисциплинарное государство» (М. Фуко) – и государство модерна стремилось к максимальному «дисциплинарному контролю», усматривая в нем один из наиболее действенных инструментов консолидации («Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений» доктора юридических наук А.А. Фатьянова; «Принудительное комплектование Красной Армии командным и начальствующим составом в 1920-е–1930-е гг.» кандидата исторических наук А.А. Смирнова, «О реформе советской школы 1984 года» доктора педагогических наук А.В. Овчинникова). Однако то же государство модерна, особенно «позднего» модерна, образца конца XIX – XX вв., выработало и еще один, принципиально важный для нынешнего времени инструмент консолидации. Таковым с развитием истории и археологии (в т.ч. и «археологии знания») стала идея исторического единства, социокультурной и когнитивной преемственности – «связи времён» – как основа целостности социума (упомянутые статьи А.А. Непомнящего, В.П. Пономарёвой, «Первая мировая война в поэзии В.А. Сумбатова: освоение батальных традиций стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, 120-й годовщине со дня рождения В.А. Сумбатова и 100-летию начала Первой мировой войны)» Н.С. Титовой).

Между тем, к концу XX века, нанесшего наиболее ощутимые удары по главному бастиону модерна – рациональности, все более очевидным стало очередное смещение источника легитимации власти: с формированием государственных институтов и огосударствлением «дисциплинарных пространств» на протяжении эпохи модерна к ее последнему этапу, а также появлением принципиально новых, дополнительных носителей информации в виде компьютеров, компьютерных сетей и Интернета, власть получила инструменты и условия для того, чтобы стать... единственным источником собственной легитимности, утратив интерес в поиске легитимации не только божественной, но и социетарной (в этом смысле подлинным провозвестником эпохи постмодерна оказывается «мировой дух» Гегеля, избирающий своим воплощением именно того, кто не нуждается в *societas* для морального оправдания – «легитимации») – своих действий – упомянутая статья С.А. Ниженкова и А.А. Лагунова).

Подчеркнем: сознательный отказ власти от «воли к знанию» при существенном увеличении количества информации и знаний, необходимых для управления, происходил и на ранних этапах истории человечества (в частности, в Древнем мире) – так проявлялся всеобщий принцип минимума действия / минимума энергии. Во все эпохи, однако, это приводило к кризису управления: в отсутствии «воли к знанию» государственный аппарат утрачивал интерес к объекту управления и обратную связь с ним, все более замыкаясь на самое себя по мере развития институтов власти / управления – и теряя необходимые для собственного существования материальные и символические ресурсы. Между тем, если в эпоху премодерна и даже позднего модерна такие кризисы охватывали отдельные государства и регионы, то на рубеже XX–XXI вв. в пронизанном глобальными связями мире кризис, вызванный добровольным отказом управленческого аппарата от знания об объектах управления, оказался глобальным.

Более того, после ницшеанского «Бог умер» и последовавшей за ним череды «смертей» – «субъекта» (М. Фуко), «автора» (Р. Барт) и, в конце концов, «человека» (М. Фуко, Ж. Делёз) правящий класс повсеместно считал возможным отказаться от самой субъектности социальных отношений (прежде всего, трудовых), а с ней и от воли к знанию, и от получения какого бы то ни было нового знания об объектах управления (ресурсах), – но не от самих ресурсов, – удовлетворяясь знаниями, произведенными и циркулирующими в системе собственных институтов и, как мы уже отмечали ранее¹, целенаправленным превращением не только политики, но и иных сфер человеческой активности, в том числе познавательной, в фикцию, в мнимость, в сознательно-ложное² – и отнюдь не в положительном смысле, который пытается придать этим категориям философский фикционализм («Эко-

¹ Тынянова О.Н. Остров Россия, континент Крым, государство Новороссия: от геополитического морфогенеза к политической антропологии, или Апология здравого смысла // Пространство и Время. 2014. № 1(15). С. 10–14.

² Термин введен Г. Файхингером в работе «Философия “Как если бы”» (см.: Vaihinger H. *The Philosophy of 'As If': A System*

логические угрозы Монреальского протокола» и «Температурные контрасты осенних месяцев 2014 года в России» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина). Применительно к практике (гео)политического строительства это означает тотальную утрату интереса политического класса ко всем социальным полям, за исключением поля экономики и власти, т.е. тотальное превращение в окрестность всех (гео)политических пространств (кроме их фикций и «дисциплинарных пространств») экономического контроля / принуждения — «Экологические угрозы Монреальского протокола» В.Л. Сывороткина). И хотя постмодерн не отрицает прежних модусов социально-политических связей («знаю и действую» / «знаю и не действую»; «не знаю и действую» / «не знаю и не действую»), доминирующей в нем становится пара «не желаю знать и действую» / «не желаю знать и не действую».

Складывающаяся ситуация уже в эпоху позднего модерна (XX в.) с особой остротой — и особым трагизмом — поставила вопрос об основаниях консолидации общества. В самом деле, если ни «божественное», ни социальное, ни — как это демонстрируют первые десятилетия XXI века — когнитивное не становится основой интеграции и не порождает отношений целостности, взаимной поддержки и солидарности, человеческому сообществу остается последний способ установления взаимосвязей, сохранившийся от времен, куда более далеких, чем премодерн, — времен, когда «межтерриториальное торговое общение было неразвито, индивидуальные путешествия неизвестны, а духовная общность еще не выходила за границы группы» и когда «помимо войны не было никаких социологических взаимосвязей между различными группами. ... Внутри замкнутого круга вражда, как правило, означает прерывание взаимосвязей... Напротив, каждая из групп в целом равнодушна к другой, покуда длится мир, и лишь во время войны они обретают друг для друга активную значимость»¹.

Подчеркнем особо: уже в рамках Вестфальской системы формирование глобального мира XX столетия привело к тому, что «выпадение», пользуясь метафорой Х. Маккиндера, «слабого звена» единого геополитического пространства, тем более, понижение статуса какого-либо его элемента, с необходимостью формировало условия для новой, еще более кровопролитной войны и угрожало триполитической целостности всех членов системы международных отношений. Лишь применение эффективных — в силу своей исключительной рациональности и «воли к знанию» — управленческих технологий «дисциплинарного государства» эпохи позднего модерна, в том числе в отношении «социального сообщества» как ядра интеграции, оказывалось способным обеспечить национальное единство перед лицом угрозы национальной катастрофы («*“Идемте вперед единой силой!”*. Британский тыл в годы Второй мировой войны. Часть 1» кандидата исторических наук Д.В. Суржика; «*Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны...*» доктора исторических наук Ю.Ф. Пивоварова). Отсутствие же у политического центра рациональности и необходимого знания, в том числе и рефлексивного (по Э. Гидденсу), при принятии управленческих решений неизменно приводило к трагическим потерям — и геополитическим, и человеческим («*Малыров В.П. Инженерные рабочие войска России и Советского Союза (август 1914 — июнь 1941 гг.)...*» кандидата исторических наук И.А. Калашникова, «*О Керченско-Эльтигенской десантной операции (Кузнецов А.Я. Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция...)*» доктора философии В. Мазурека), хотя впоследствии и могло стать — и становилось — основой талантливой художественной рефлексии, художественными же средствами восстанавливающей целостность национального культурного пространства (упомянутая статья Н.С. Титовой).

В условиях кризиса Вестфальской системы, точнее, в условиях той беспрецедентной взаимообусловленности социально-экономических и социокультурных внутри- и межгосударственных процессов глобального мира XXI века, какие не могли быть и не были предусмотрены Вестфальской системой, тотальная взаимная отчужденность общества и власти, утратившей способность, а, точнее, отказавшейся выполнять свои консолидирующие функции, формирует условия для наиболее страшных по своей разрушительности конфликтов, поскольку реализуется эта отчужденность в условиях тех двух типов общности, в которых Г. Зиммель справедливо усматривал «фундамент особенно острого антагонизма: общность качеств и общность благодаря включенности в *единую* социальную связь. <...> где нет... намерения при любых обстоятельствах все-таки договориться, там сознание антагонизма, обостренное равенством во всем остальном, делает антагонизм еще острее»².

Превращение социального пространства в (гео)политическую окрестность не угрожает более легитимации власти, ибо, как мы уже отмечали, власть XXI века сама является источником собственной легитимности, — зато, равно как и отказ от «воли к знанию», угрожает онтологии того социума, в котором такая власть реализуется, и, тем самым, бытию правящего класса как такового. Действительно, поскольку процесс познания (в том числе и как реализация «воли к знанию») суть темпоральная координата «пространства событий», отказ от него, особенно от междисциплинарных исследований (уменьшение метрики пространства) неминуемо катастрофичен³. В эпоху повсеместного распространения управленческого модуса постмодерна позволим себе сентенцию эпохи «классического модерна»: не только фаустовский, но и любой тип культуры, в том числе управленческой, разрушается отнюдь не изощренностью познания, а его остановкой (и любым сокращением размерности пространства событий), сколь бы ни было велико искушение прервать процесс познания возгласом: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

О.Н. Тынянова, главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. Власть и знание: к топологии «других пространств» / О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 10—13. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st4-18.2014.01

of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind. London: Routledge & Kegan Paul, 1984).

¹ Зиммель Г. Человек как враг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.musa.narod.ru/zimm1.htm>.

² Там же.

³ Согласно одному из положений современной теории катастроф, грозящей катастрофы можно избежать, увеличив размерность пространства событий хотя бы на единицу (см.: Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990). Но если, по Арнольду, наличие дополнительной координаты увеличивает размерность пространства событий за счет изменения расстановки сил («фазовой картины») и в любом пространстве, в т.ч. и социальном, ведет к увеличению адапционных возможностей системы, то уменьшение размерности пространства событий существенно повышает риск катастрофы. Наглядным примером такого уменьшения размерности пространства событий в социальном поле науки являются действия нынешнего руководства Министерства образования и науки Российской Федерации в целом и ВАК Минобрнауки в частности, прежде всего, в отношении научных СМИ (что вызывает тем большее количество вопросов, что во главе ВАК Минобрнауки РФ сегодня стоит математик, который не может не быть знаком с упомянутой работой В.И. Арнольда). Заметим, что в социальной сфере для выхода из «пространства катастроф» достаточно не уменьшать размерность пространства событий (что предполагает отсутствие управленческих решений, ухудшающих / ограничивающих сложившиеся социальные связи, особенно в поле науки и образования).